

Reprinted from

Russian Literature

Russian Literature XXXVII (1995) 109-126
North-Holland

КРЕСТОВЫЕ СЕСТРЫ А.М. РЕМИЗОВА:
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АПОКАЛИПСИСА
(ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МОТИВА 'ЧУЖОГО'
ТЕКСТА)

Е.В. ТЫРЫШКИНА

КРЕСТОВЫЕ СЕСТРЫ А.М. РЕМИЗОВА:
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АПОКАЛИПСИСА
(ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МОТИВА 'ЧУЖОГО'
ТЕКСТА)

Е.В. ТЫРЫШКИНА

Упоминания о Втором пришествии и знаки Апокалипсиса рассыпаны в тексте *Крестовых сестер* (далее сокращенно – КС) обильно: “В чем застану, сужу тебя!”¹ “времена созрели, исполнилась чаша греха...” (21), рассказы “безумствующего старца о Страшном суде” (26) и т.д. Идея Апокалипсиса развивается в нескольких аспектах – как катастрофа человечества, России (мотив ‘чужеземного вторжения’),² отдельной человеческой жизни. Эта статья будет посвящена первому аспекту – анализу ремизовского переосмысления человеческой истории в преддверии краха. Произведение Ремизова по своим художественным задачам находится в русле эсхатологических настроений символистских кругов. Он стремился запечатлеть ощущение хаоса, абсурда, предчувствие грозящего краха, черты которого он находил в окружающей реальности (социальные потрясения, надвигающаяся революция с ее непредсказуемыми последствиями, разрушение устоев традиционной культуры). Таким образом мотивы Апокалипсиса являются основными мотивами, дешифрующими текст КС.

Речь пойдет о двух фрагментах текста КС, где наиболее ярко и в ‘концентрированной’ символической форме отражены взгляды писателя на библейский сюжет применительно к событиям начала XX века. Первый фрагмент – рассуждения Маракулина о

возможностях построения “земного рая” и второй – сцена “смертного поля”. Обратимся же к тексту (в статье здесь и далее курсив А. Ремизова будет дан разрядкой, а слова, выделенные мной, – курсивом; Е.Т.):

[...] как бы поступило человечество, если бы, ну скажем так, *великие державы, союз держав во главе с Англией*, предположили бы особыми *манифестами* через палаты и думы подданным своим – всему человечеству эту в о ш ь ю, беспечальную, безгрешную и бессмертную жизнь генеральши. Уж такая бы возможность выдалась действительным ли о т к р ы т и е м, ну какой-нибудь *ученый немец Виттенштаубе наукою* дошел бы с помощью своих рентгеновских лучей, или о б м а н о м, ну какой-нибудь наш бывший губернатор Бурков – с а м о и с т р е б и т е л ь – мало ли сколько по Руси таких истребителей, изуверно обращающих на себя свой недюжинный талант, сам Бурков изобрел бы некоторый *фортель, шельмовство* временное и уж, конечно, так, чтобы чисто, или д е р з н о в е н и е м, ну какой-нибудь *светопосный, святолепный старец Кабаков*, завалив свое *подполье* с граммофоном, *изрекающим глас с небеси*, объявил бы себя миру, как *вождь и судия* – искупитель *изначального Муркина греха*, и сотворил бы *нерукотворный Новый Сион с миром и милостью*, скоро, просто и дешево, как отнеслось бы, что ответило бы на это человечество? А думаю я так, – продолжал Маракулин рассуждения свои с маракулинским упорством доходя до своей точки, – забыв должное и недолжное и всякое *спасение*, тихонечко, не снимая шляп и других соответствующих сану головных уборов, *спустили бы подданные с себя штаны да, осенив себя крестным знамением*, на зов мужественного свободного, гордого, святого слова юркнули бы в какую-нибудь гигантских размеров конским волосом заросшую *голову*, состроенную хоть и у нас на том же Бельгийском заводе, впрыгнули бы в этот *к а б а к о в с к и й нерукотворный Новый Сион с миром и милостью*, чтобы начать новую в о ш ь ю жизнь: беспечальную, безгрешную, бессмертную, а главное спокойную: *питайся*, переваривай и *закаляйся*. *Стульчиком* складным обзавестись всегда успеется, да может, в таких условиях, когда у каждого на шее забренчит *коровий колокольчик*, чтобы питаясь, не затеряться, а без складного стульчика безопасно будет по Фонтанке для моциона прогуливаться и на Загородный в церковь ходить. И надо думать, так

поступило бы все *разумное и доброе* – кто себе враг! – и поступило бы законно, правильно, мудро и человечно: в самом деле, ну, кому охота маяться, задыхаться без сна, потеряв терпение и покой!
(44-45)

Этот текст обнаруживает явную переключку с Ф. Достоевским (*Преступление и наказание, Записки из подполья*), что бросается в глаза даже неподготовленному читателю, а кроме того, заметны искусные ‘вкрапления’ и обработка мотивов ‘Трех разговоров’ Вл. Соловьева (точнее, ‘Краткой повести об антихристе’). Напомню некоторые моменты произведения этого философа (будут выделены ключевые слова):

Внутреннее значение антихриста как религиозного *самозванца ‘хищением’*, а не духовным подвигом добывающего себе достоинства Сына Божия, связь его с *лжепророком-тавматургом*, обольщающим людей действительными и ложными чудесами, *темное и специально греховное* происхождение самого антихриста, действием злой силы приобретающего свое внешнее положение *всемирного монарха* [...]

Данный в Откровении характер лжепророка и прямо указанное там назначение его – *морочить* людей в пользу антихриста – требуют приписать ему всякие *проделки колдовского и фокуснического свойства* [...]

В новый год своего властвования римский и всемирный император издает новый *манифест*. “Народы Земли! Я обещал вам мир, и я дал вам его. Но мир красив только *благоденствием*. Кому при мире грозят бедствия нищеты, тому и мир не радость. *Придите же ко мне теперь все голодные и холодные, чтобы я насытил и согрел вас.*” И затем он объявляет простую и всеобъемлющую специальную реформу, уже намеченную в его сочинении и там уже пленявшую *все благородные* и трезвые умы.

Новый владыка земли был прежде всего *сердобольным филантропом* – и не только филантропом, но и *философом*. [...] *общества покровительства животным всячески поощрялись им*. Важнее этих подробностей было прочное установление во всем человечестве самого основного равенства – *равенства всеобщей сытости*.

Христос, проповедуя и в жизни своей проявляя нравственное добро, был исправителем человечества, я же призван быть *благодетелем* этого отчасти исправленного, отчасти несправимого человечества. [...] Христос принес меч, я принесу *мир*. Он грозил земле страшным последним судом. Но ведь последним *судьей* буду я, и суд мой будет не судом правды только, а судом *милости*;

Грядущий человек был выбран почти единогласно в пожизненные президенты *Европейских Соединенных Штатов* [...]

[...] и по настоятельным внушениям тайного 'отчего' голоса объявил себя единым воплощением *верховного божества* [...].³

Такое обширное цитирование имеет своей целью указать на прямое и косвенное 'заимствование' элементов 'чужого' текста⁴ и позволяет по ходу анализа отмечать точки пересечения двух версий Второго пришествия, своеобразии трактовки Ремизова. Комментарии и анализ:

"Союз держав во главе с Англией" – вызывает две ассоциации: 1) соловьевские Европейские Соединенные Штаты и затем – мировая империя и 2) намек на возможность переустройства мира парламентскими методами (Англия – страна старейшего парламента). Слово "манифест" является также прямой отсылкой к Вл. Соловьеву. Но здесь в сюжетную канву 'Краткой повести...' вплетается другой литературный мотив – Ф. Достоевского: вошь жизнь в значении ничтожного животного существования. Вошь жизнь генеральши Холмогоровой, проводящей все время за едой, прогулками в баню и церковь, становится олицетворением ходячей бездушной плоти. Она виновна уже тем, что не страдает, когда все вокруг мучаются.⁵ Как видно уже с самого начала вариант политических реформ как возможного 'земного рая' ведет к жизни животной, стадной, безнравственной. Непосредственный переход к этой жизни предлагается произвести с помощью науки, причем "открытие ученого немца" приравнивается к "обману" (см. курсив А. Ремизова в тексте). Подобное отношение к науке, к тому же иностранного происхождения, можно истолковать двояким образом: негативное отношение символистов к позитивистской науке конца XIX века,⁶ а немецкая фамилия ученого кроме того является знаком 'вторжения' в русскую культуру чуждых западных влияний.⁷ Бурков – владелец дома, где проживают многочисленные персонажи КС –

“антихрист” местного значения. Его “фортель и шельмовство” – тоже аллюзия на соловьевский текст (см. о “колдовстве и фокусах”). Но основное внимание уделено не Буркову, а старцу Кабакову – вот антихрист “мирового” масштаба. Этот старец, уже встречавшийся на страницах КС в одном ряду со “старцем соитием плоть умерщвляющим” (27) имеет по крайней мере двух реально существовавших прототипов: Г. Распутин и старца Федотушку.⁸ Эти люди являли собой образец внешнего благочестия в сочетании с наклонностями низменно порочной природы. Г. Распутин, приближенный к “сильным мира сего” и обладающий возможностью влиять на управление страны, вмешиваться в дела государственной важности, становится для Ремизова реально существующим российским антихристом во плоти. Но почему автор наделяет “старца” фамилией “Кабаков”? Для символиста значима любая деталь. “Светоносный святолепный старец Кабаков” – заставляет вспомнить традиции карнавальная смеховой культуры средних веков, точнее – демократической сатиры XVII века. Пародирование церковных текстов в сатире XVII века (‘Сказание о крестьянском сыне’, например),⁹ где основным художественным приемом является перемещение знаком ‘верха’ и ‘низа’, преломляется в КС в обновленных формах. Сочетание высокого и низкого, религиозного канона и низменного быта, становится знаменем превращения мира небесного в его противоположность – крошечный мир. Кабак в этой традиции является символом антицеркви.¹⁰ Но если в XVII веке, как утверждает Д. С. Лихачев, пародировалась лишь форма, не затрагивая существа религиозности,¹¹ то здесь перед нами фарс на Новый Завет (Откровение Святого Иоанна Богослова), имеющий своей целью изобразить ‘перевернутую’ действительность как приметную воцарения лжепророка. Подполье с граммофоном – опять отсылка к Достоевскому. Старец-то появляется из подполья, откуда, как известно, герой провозглашал, что “свету бы провалиться, а мне чай пить!” Нужно отметить, что один из ‘подпольных’ героев Ремизова – Костя Клочков из романа *Часы*, сходя с ума, мнит себя “Костей Саваофом”.¹² Эта затекстовая “подсветка” выявляет природу истинных намерений “антихриста”. “Объявил себя миру”, “изрекающий глас с небеси”, “вождь и судия” – кроме явных соответствий с ‘Краткой повестью...’ налицо прямое обращение к Библии (которая являлась первоисточником и для соловьевского текста):

И услышал я голос с неба, говорящий мне: напиши: отныне блаженны мертвые умирающие в Господе; ей, гово-

рит Дух, они успокоятся от трудов своих, и дела их идут
вслед за ними.¹³

Вот – истинный Глас Божий, знаменующий Второе пришествие. Старец Кабаков, “изрекающий глас с небеси”, претворяется в самого Высшего Судию! Нерукотворный Новый Сион – термин церковный, означающий “царство святых на небе”.¹⁴ Лжепророк, метящий на место самого Бога, намеревается создать земную ‘новую церковь’ – мысль сама по себе еретическая и кощунственная, и в тексте это маркируется словами “скоро, просто и дешево”. Намек на Вл. Соловьева – в цитировании “суда”, “мира” и “милости”. Но что значит – “искупитель изначального Муркина греха”? Здесь тоже ясна параллель с ‘Краткой повестью...’, где антихрист выступает покровителем животных, но Ремизов обыгрывает этот момент своеобразно. Страдающее животное в КС – один из аргументов в доказательстве Ремизовым неизбежности страдания на земле как умысла Божьего.¹⁵ Вся человеческая история рассматривается писателем с точки зрения первородного греха (вины и невиновности одновременно всех живущих за падение Адама и Евы в рай).¹⁶ Вводя в повествование мучающуюся кошку, автор ставит вопрос о невозможности объяснить страдания как последствия выбора между жизнью и познанием предков. Животное не может выбирать в пользу познания, таким образом Ремизов склонен рассматривать муки как неизбежное зло, являющееся частью промысла Божьего. Правда, для человека страдание может стать ступенькой к спасению.¹⁷ Старец дерзает изменить миропорядок, положенный от Бога, выступая ‘искупителем’, тем самым спасая все живое от мук, но и лишая человека возможного духовного подвига.

Каким же образом совершается ‘переход’ в этот Новый Сион? Подданные забывают о спасении – то есть христианскую веру (что соответствует и сюжету ‘Краткой повести...’). Но далее совершаются действия, которые интерпретируются лишь с точки зрения карнавальной символики: обнажение – это знак торжества крошечного мира, крушение незыблемых правил.¹⁸ ‘Рай’ является собой конструкцию ‘антимира’. “Гигантская голова, заросшая конским волосом, состроенная на Бельгийском заводе” – сложная контаминация, требующая разъяснений. Прослеживаются ассоциации с образом Горбачева (его нос, заросший конским волосом; 21), который в свою очередь складывается из характерных черт двух писателей, знакомых Ремизову – Ф. Сологуба и Д. Мережковского.¹⁹ В данном случае более значимым оказывается образ Мережковского, как известного своими религиоз-

ными теориями спекулятивного толка, и само имя которого ассоциировалось автоматически со словом ‘антихрист’.²⁰ Горбачев, как и старец Кабаков (литературные двойники известных личностей) чрезвычайно близки друг другу – оба самозванцы (Горбачев возвещает Второе пришествие – о чем ниже). А склонность к церковным песнопениям (20) не мешает Горбачеву умертвить собственную дочь. “Голова” долженствует отразить всю умозрительность подобных попыток устроения лучшей жизни, авторский скепсис по отношению к ним (здесь важны и автобиографические моменты – негативное отношение Ремизова к Мережковскому).²¹ Следует также усмотреть намек на напрасные надежды основать это царство сытости и благоденствия, исходя из логических посылок, прагматической пользы, которая не затрагивает вопросов духовной жизни.

“Завод” – по-видимому своей знаковой природой связан с мотивами политической борьбы, революции – как одного из методов переустройства земной жизни. Ремизов по существу ‘проигрывает’ все возможные варианты улучшения человеческого существования: наука, открытия, политические реформы, революция – реальные, обман и чудеса – ирреальные. Указание на революционный путь борьбы, ведущий в “земной рай”, есть еще в одном месте КС с однозначной авторской оценкой:

А когда Цыганов куда-то исчез с фабрики от Плотникова: одни говорили, что его в Сибирь сослали, другие, что он за Трехгорной заставой на заводе устроился и с большим окладом, а третьи, что *объявил будто бы миру* [курсив мой; Е.Т.] *чуть ли не Новый Сион* [...] (80)

Уже одна эта цитата, где на одну доску ставится большой оклад и устройство Нового Сиона, достаточно красноречива, но ведь кроме того, Цыганов, занимавшийся распространением листовок среди рабочих, насилует Евгению Маракулину – характерно, что Ремизов наделяет революционера такими чертами. Насилие над женщиной²² становится знаменем насилия всеобщего как метода революции.²³ Новый ‘рай’ Ремизов, как и Вл. Соловьев, связывает с идеей всеобщей сытости (основной для сторонников методов политической борьбы). Но у Ремизова этот мотив усилен. Появляется “коровий колокольчик” – автор доводит идею построения счастливого “сытого” общества до логического тупика: коровье стадо, да еще под непрерывным присмотром – вот перспектива человечества, поверившего лжепророкам. “Разумное и доброе” – это соловьевские “все благородные и трезвые умы”.

Намерения у них самые лучшие, но лишний раз вспоминается известная фраза, что “благими намерениями ад вымощен”.²⁴

Коротко замечу, – так как это требует проведения отдельного исследования, – что поэтика текста, приведенного выше, основана на эффекте столкновения, “взрыва” полярно противоположных смысловых и стилистических пластов. Это приводит к созданию пародии, фарса. Словесный “взрыв” является знаком дьявольской “бездны”.²⁵ “Божественное и непотребное” (21), соединяясь, “обрушивает” высокую религиозную символику, знаменную воцарение сил зла. Сочетая стиль высокий, торжественный – библеизмы, церковнославянизмы – с разговорно сниженными формами, писатель достигает адекватного словесного выражения существования “антимира”. “Фортель и шельмовство” – в одном ряду с “дерзновением”. Старец Кабаков, новоявленный антихрист, характеризуется как “светоносный, святолепный” – достаточно справиться у В. Даля, чтобы подтвердить свое ощущение кошунственного фарса²⁶ – “вождь и судия” искупает “Муркин грех”, а Новый Сион творится “скоро, просто и дешево”. Антимир рисуется в традициях карнавальской культуры, а языковой строй произведения отражает все нюансы мировоззренческой установки автора.

Интересно заметить, что соловьевский ‘рай’ с его равенством и сытостью, преобразившийся у Ремизова в коровье пастбище, возникает снова в литературной традиции – в творчестве поэтессы и переводчицы А. Радловой, одно время входившей в круг знакомых писателя. В его рукописный альбом ‘Цветник’ она вписывает стихотворение, посвященное А. Ремизову, где будут фигурировать пресловутые “колокольчики” (у Радловой – “бубенчики”).²⁷

Итак, как видно из приведенного анализа данного фрагмента, Ремизов, пользуясь, как основой, соловьевским текстом, где автор развивает библейский мотив, расцветчивает его собственными красками и дополняет своеобразными деталями. На сюжетную канву ‘Краткой повести...’ наслаиваются конкретные исторические и даже автобиографические реалии, причем акцент делается на понимании человеческой истории как истории постоянных страданий (“первородный грех”), а любые попытки построить ‘рай’ на земле выглядят прежде всего нарушением миропорядка, положенного самим Богом, и поэтому все подобные поползновения – суть происки Дьявола. Человечество, накормленное и освобожденное от мук, скатывается к своему первоначальному состоянию животных инстинктов и перестает быть одухотворенным творением рук Божьих. Любые попытки чело-

века вмешаться в сам строй жизни обречены на провал и ведут к потере глубинного смысла человеческого существования – потере понятия нравственного подвига, где горе и мука открывает путь в царство Духа. При этом автор пользуется художественными приемами древнерусской литературы (XVII век), отражая в своем произведении типичное для символистов мировоззрение – традиционно национальными языковыми средствами.

Теперь обратимся к фрагменту “смертного поля”: Высший суд представляется Маракулину следующим образом (выделены мною повторы из “земного рая” и комментируемые ключевые слова):

И почью привиделось, что будто лежит он на Бурковом дворе [...] И не один он лежал на дворе, с ним вместе лежали все жильцы и с парадного и с черного конца дома, из флигеля и горбачевских углов. [...] акушерка Лебедева, покрытая *меховой зимней шубой*, которую у ней на Рождество украли, [...] и студенты, которые панихиду по ночам пели, так и лежали рядышком в *студенческих повенских мундирах* и с своим *единственным медным краном*, и все семь дворников и паспортист Еркин – дворники *с дровами*, Еркин *с больничными рублевыми марками*, *весь облеплен марками*, *все лицо и руки* [...]. [...] А когда Маракулин, узнав всех своих бурковских, зорче стал вглядываться, то увидел и не бурковских – [...] всех блаженных и юродивых, старцев и братцев, и всяких бельгийцев и немцев; скучены были немцы вокруг *доктора Виттенштаубе*, который лечит от всех болезней *рентгеновскими лучами*, и наконец, всю бродячую Святую Русь.

Так лежали на Бурковом дворе, как на смертном поле, но не кости, живые люди, не сухие кости, живые люди, *у всех жило и билось сердце*.

И звери с людьми лежали, красивый рыжий губерна-торский пес Р е в и з о р²⁸ [...] где-нибудь и *Мурка* лежала, только застил ее какой-нибудь дымчатый кот.

А рядом с Маракулиным *генеральша Холмогорова* лежала, *в о ш ь*. [...] “Времена созрели, исполнилась чаша греха, наказание близко!” – нескладно, точно спросонья, потянул носом, заросшим конским волосом, *Горбачев*.

И вот забренчало что-то, как шашкой, и из шкапчика – л а р ь к а вышел *пожарный*, нечеловечески огромный, в огромной медной каске, и пошел, застучал сапогами. [...] Это был самый обыкновенный пожарный – красная рожа. [...] И хотел бы Маракулин *дерзнуть*, как

какой-нибудь старец Кабаков, молитвого вызывающий г л а с с н е б е с и, за всех, за весь мир спросить пожарного, но духу не хватило по-кабаковски спросить за всех, за весь мир, за все смертное поле, и он спросил о себе:

“А мне хорошо будет?”

[...]

И ответил ему пожарный да так уныло, едва слово кончил:

“Хо-ро-шо.”

(73-74)

Картина Страшного суда дана Ремизовым явно в пародийном духе: люди и животные лежат вповалку, введены конкретные бытовые детали, которые сводят на нет высокую торжественность библейского сюжета (медный кран, меховая шуба, Еркин, облепленный марками, дворники с дровами и т.д.). Эта пародия на Новый Завет (Откровение), как и пародирование, например, Ф. Сологубом в *Мелком бесе* сцены “заклания агнца”,²⁹ имеет под собой идею измельчания, регресса человеческой истории.³⁰ О Суде Божьем возглашает Горбачев, становящийся таким образом еще одним лжепророком. Его речь, по-видимому, представляет собой контаминацию (и обработку) обращений трех Ангелов:

И увидел я другого Ангела, летящего по середине неба, который имел вечное Евангелие, чтобы благовествовать живущим на земле и всякому племени и колону, и языку и народу; И говорил он громким голосом: убойтесь Бога и воздайте Ему славу, ибо наступил час суда Его; [...]

И третий Ангел последовал за ними, говоря громким голосом: кто поклоняется зверю и образу его [...] Тот будет пить вино ярости Божией, вино цельное, приготовленное в чаше гнева Его.

И вышел другой Ангел из храма и воскликнул громким голосом сидящему на облаке: пусти серп свой и пожни, потому что пришло время жатвы; ибо жатва на земле созрела.³¹

В речи Горбачева соединяются и перефразируются несколько библейских цитат и он соответственно является “ангелом”, но Пришествие оборачивается своей противоположностью, если его возвещают такие “ангелы”. Здесь используется тот же художест-

венный прием, что и в предыдущем фрагменте (искажение, ‘переворачивание’ смысла и формы библейского мотива).

Пожарный – искаженная проекция другого Ангела:

И иной Ангел, *имеющий власть над огнем*, вышел от жертвенника и с великим криком воскликнул к имеющему острый серп: пусти острый серп свой и обрежь грозды винограда на земле, потому что созрели ягоды [...] ³²

В этом фрагменте опять повторяются (автоцитируются) и старец Кабаков, и доктор Виттенштаубе, и генеральша Холмогорова, и уже упомянутый Горбачев, причем повторяются и некоторые ключевые слова из предыдущего отрывка (“глас с небеси”, “дерзнуть”, “Мурка” – ассоциации с “Муркиным грехом”). Таким образом сцены “рая” и “смертного поля” дополняют друг друга, “смертное поле” отчасти и есть этот ложный “рай”. И там, и здесь в финале обещается “хорошая жизнь”, правда, в последнем случае обещание это – “унылое”. Пришествие оборачивается антипришествием, как и “рай” оборачивается антимиром и торжеством Дьявола. Но пародийная форма осложняется у Ремизова высокой трагедийной нотой страдания человеческой души: “[...] у всех жило и билось сердце”. Это сказано в отношении всех живущих – писатель не отделяет “овец от козлий”.³³ Гуманистическое мировоззрение писателя противоречит религиозному христианскому канону, так как Высшему Судье дано отделять праведных от неправедных.³⁴

Теперь нужно сказать, что оба фрагмента являются продуктом деятельности “мозговой игры” (термин А. Белого в отношении старшего Аблоухова в романе *Петербург*) главного героя КС Маракулина. Рассуждения о “земном рае” – внутренний диалог с самим собой, а “смертное поле” – галлюцинация, видение в воспламененном воображении героя. Маракулин – олицетворение рационального начала, его ‘деятельность’ состоит в попытках осмыслить и объяснить страшную и нелогичную действительность, что ему, конечно же, не удастся, так как страдание не поддается логическому обоснованию. Маракулин как бы является ‘творцом’ идей улучшения жизни на основе прагматической пользы, он же и хоронит их. Плод рационального сознания, лишенного истинной Веры, обречен на провал. Видения “смертного поля” предстают герою нарочито конкретными – в виде нелепого и жутковатого фарса, так как только таким может видеться Высший суд человеку, лишенному Бога в сердце. Таким образом, ав-

тор, представляя проанализированный текст плодом сознания Маракулина, отвергает рационализм и прагматику как заблуждения человеческого ума, бесплодное умствование, которое приводит не к Богу, а к Дьяволу, к царству 'антихристов'.

Как можно заключить, заканчивая анализ ремизовского понимания современного 'Апокалипсиса', концу света дано свершиться в пародийных формах, в 'переворачивании' привычных норм с ног на голову, в столкновении 'святого' и 'низменного'. Человек обречен на страдание в 'антимире', и хотя торжество антихриста по Библии временное,³⁵ автор не оставляет места надежде.³⁶

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ А. Ремизов, 'Крестовые сестры. Повесть'. Москва 1989. В дальнейшем ссылки даются в тексте статьи на это издание с указанием страницы. Замечу, что жанровое определение 'повесть', данное издательством, не соответствует собственному жанровому определению писателя:

А на вопрос, как сам Алексей Михайлович определяет свои произведения, он скажет: "Мои романы – *Пруд, Часы, Крестовые сестры, Плачужная канава*, и повесть 'Неумный бубен'".

(Н. Кодрянская, *Алексей Ремизов*. Париж 1959, 117)

- ² Л. Долгополов, *Андрей Белый и его роман 'Петербург'*. Ленинград 1988, 296:

Ощущением кризиса и жаждой перемен повесть Ремизова произвела сильное впечатление на Белого, высказавшего свое восхищение в письме к писателю [...] Опасность, нависшая будто бы над Россией – предаться другому народу, раствориться в нем, – представилась и Белому вполне реальной. Ремизов высказал эту опасность с декларативной настойчивостью, и это захватило Белого.

- 3 Вл. Соловьев, ‘Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории со включением краткой повести об антихристе и с приложениями’. *Сочинения в двух томах*, том 2. Москва 1988, 641, 642, 746, 747, 741, 745, 760.
- 4 З. Миц, ‘О некоторых “неомифологических” текстах в творчестве русских символистов’. *Ученые записки Тартуского государственного университета*, вып. 459, 1979, 94 (о ‘тексте-мифе’); D. Oraić, ‘Цитатность’. *Russian Literature*, XXIII-II, 1988, 113-132 (у Ремизова, согласно классификации автора, чаще встречаются I и II типы цитирования).
- 5 Образ генеральши в КС навеян *Преступлением и наказанием* (старуха-процентщица). Об этом можно судить по упоминаниям в тексте о желании Маракулина убить Холмогорову и по фрагменту о “докторе-отравителе”. Но у Ремизова она виновна не тем, что наживается на чужом несчастье (как героиня Достоевского), а тем, что благоденствует, когда вокруг страдают люди.
- 6 З. Миц, ‘Блок и русский символизм’. Александр Блок, *Новые материалы и исследования. Книга первая*. Москва 1980, 104.
- 7 Л. Долгополов, *Андрей Белый и его роман ‘Петербург’*, 190 (ссылка на собственную статью ‘Символика личных имен в произведениях Андрея Белого’). Ремизов таким же образом использует немецкие фамилии, – и не только немецкие. Например, “Варягинский” в тексте КС (70-71) – также ссылка на ‘инопоземное вторжение’.
- 8 Л. Долгополов, *Андрей Белый и его роман ‘Петербург’*, 296 (о Распутине как прототипе Шапаева в ‘Пятой язве’); А. Данилевский, ‘Mutato nomine de te fabula narratur’. *Ученые записки Тартуского государственного университета*, вып. 735, 1986, 138 (также о ‘Пятой язве’); *Письма А.М. Ремизова и В.Я. Брюсова к О. Маделунгу*. Copenhagen 1976, 47 (цитирование газетной вырезки):

7 февраля выездной сессией окружного суда в Верхотурье, Пермской губернии, началось разбором дело о старце ‘Федотушке’. Живя уединенно в лесу и выдавая себя за иеромонаха, Федотушка привлекал толпы паломников, преимущественно женщин. Некоторых богомолков Федотушка оставлял при себе, для удовлетворения своих страстей, а потом убивал.

(выделено А. Ремизовым; запись 1908 года)

- 9 *Русская демократическая сатира XVII века* (подготовка текстов, статья и комментарии В.П. Адриановой-Перетц), издание второе, доп. Москва 1977, 87-89. Добавлю, что в КС один из центральных мотивов ‘воровства’ в эпизодах с кражей шубы у акушерки Лебе-

девой и студентами Шевелевым и Хабаровым может дешифроваться ‘Сказанием о крестьянском сыне’.

- 10 Д.С. Лихачев, А.М. Панченко, Н.В. Поньрко, *Смех в Древней Руси*. Ленинград 1984, 20: “Вывернутая наизнашку церковь – это кабак, своеобразный ‘антирай’, где ‘все наоборот” (13; “кромешный мир”).
- 11 Там же, 20.
- 12 А.М. Ремизов, *Собрание сочинений в восьми томах*, том 2. Санкт-Петербург 1910-1912, 140.
- 13 Библия. Откровение Святого Иоанна Богослова, глава 14, ст. 13.
- 14 *Полная популярная Библейская энциклопедия в 4-х выпусках*. Москва 1891, л. 82-83 (‘Иерусалим новый, небесный’).
- 15 А. Данилевский, ‘Функция автобиографизма в III-ей редакции романа А.М. Ремизова *Пруд*’. *Ученые записки Тартуского государственного университета*, вып. 822, 1988, 153:

Как ‘божье поущение’ Дьяволу в истории с избиением вифлеемских младенцев оборачивается на деле составной частью ‘божьего промысла’ искупительной миссией Спасителя, так ‘богооставленность мира’ – новое ‘божье поущение!’ – должно со временем обернуться предпосылкой для реализации более глобального ‘божьего промысла’ – воскресения и второго пришествия Христа и, тем самым, окончательного ‘посрамления’ Богом Дьявола.

- 16 В КС этот “первородный грех” запечатлен в ‘снах’ – памяти Акумовны: тот сон, где она ест ягоду является трансформацией мотива из *Голубиной книги*, который в свою очередь является переработкой ветхозаветного сюжета в народной традиции. Таким образом, Акумовна – образ, вбирающий в себя и черты праматери Евы, а высказывание о том, что “Обвиноватить никого нельзя!” – из ее уст – является по сути дела оправданием вины за “первородный грех”.
- 17 Н. Кодрянская, *Алексей Ремизов*. Париж 1959, 197:

Горе – источник, оживляющий сухие силы. И горе – путь, по дорогам не полевым и лесным, а небесным. [...] Безгорыный человек – жуткое существо... (запись в дневнике 29 августа 1947 г.)

Добавлю, что образ страдающего животного в той же авторской интерпретации встречается в *Часах* – собака, попавшая под трамвай, в *Пруде* и в *В розовом блеске* – Розик с перебитой лапкой.

- 18 Д.С. Лихачев, А.М. Папченко, Н.В. Поньрко, *Смех в Древней Руси*, с. 52 (“Бесстыдный в трактир вошел. Лубочная картинка XVIII в.”); с. 13 (о наготe как признаке антимира).
- 19 А. Данилевский, ‘A realioribus ad realia’. *Ученые записки Гартуского государственного университета*, вып. 781, 1987, 107-108.
- 20 ‘Переписка Блока с В.В. Гиппиусом (1900-1915)’. Александр Блок, *Новые материалы и исследования. Книга первая*. Москва 1980, 431:

Дорогой Александр Александрович!

В эту пятницу в Соляном Городке состоится лекция Меррежковского о Гоголе, где он докажет как дважды два, что Чичиков и Хлестаков – антихристы [...]

- 21 А. Данилевский, ‘A realioribus ad realia’, 119 (ссылка 53), 120 (ссылка 62).
- 22 Насилие над женщиной совершается в КС настолько часто (Акумовна в юности, Женя Маракулина, “чудотворная” Верушка), что, если отвлечься от поэтики символизма, это покажется нарочито натуралистическим. Но замечу коротко, что образ “изнасилованной души” (КС, 69) – это образ женственной души самой России. Ремизов, как и Блок, воспринимал свою Родину в женском образе, но для Ремизова она прежде всего – мученица, и скорее – Мать, нежели Жена. У З. Мишц есть ссылка на самого Ремизова, который представлял ее в образе старушки, и опять же на первом плане – ее страдания. З. Мишц, ‘Переписка с Ремизовым (1905-1920)’. Вступительная статья. Александр Блок, *Новые материалы и исследования. Книга вторая*. Москва 1981, 72.
- 23 Об отношении к революции у Ремизова см.: Н. Кодрянская, *Алексей Ремизов*, 80; А.М. Ремизов, *Пруд. Собрание сочинений*, т. 4, главы 12, 13; рассказы ‘Придворный ювелир’, ‘Казенная дача’, ‘Новый год’. *Собрание сочинений*, т. 3; А. Ремизов, ‘Пятая язва’. *Подорожие. Рассказы*, 1913, 90. ‘Слово о гибели Русской Земли’. *Огненная Россия*. Ревель 1921.
- 24 Н.С. Ашукин, М.Г. Ашукина, *Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения*. Москва 1986, 51.
- 25 Л. Долгополов, *Андрей Белый и его роман ‘Петербург’*, 313:

В з р ы в и б е з д н а [выделено Л. Долгополовым] – два центральных образа-символа художественного творчества Белого в зрелый период, последовательно обозначающий этапы человека к мировой жизни и выхода его за пределы бытовой эмпирики.

У Ремизова – взрыв не получает такого глобального ‘космического’ значения, но он также присутствует в знаковой структуре произведения. “Взрыв” языковой стихии – это знак вторжения сил зла, когда перемешиваются ‘верхнее’ и ‘нижнее’. Добавлю, что термин ‘fusion’, ‘сплав’ (А. Shane) о стиле Ремизова в целом верен, но в данном случае в КС основной эффект пародии создается не ‘сплавом’ разнополярных стилистических элементов, а именно ‘взрывом’ (‘explosion’). О языке Ремизова: Alex M. Shane, ‘An Introduction to Alexei Remizov’ *TriQuarterly*, No. 27, 1973, 10-16. Путаница и абсурдность бытия выражается в ситуациях скандала (КС, 99-100: “[...] случаи, происшествия, скандалы, драки, мордобой, к а р а у л и участок, но все в высшей степени и громче будничного.”) Ремизов следует здесь традициям Ф. Достоевского.

- 26 В. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка*, в 4-х томах, т. 4. Москва 1956, 159: “Светопосный ангел; – облако; – учение, или – истина”; с. 162: “Святолепный образ”.
- 27 Архив А.М. Ремизова, ф. 634, № 17, РО ГПБ. А.М. Ремизов, ‘Мой альбом. Цветник’, л. 9:

Алексею Михайловичу Ремизову

Бывают же на свете лимонные рощи,
Земля, рождающая вдоволь хлеба,
Нестерпимо теплое, фиалковое небо
И в узорчатых соборах тысячетлетние нестрашные мощи.
И гуляют там с золотыми пустыми бубенчиками в груди люди –
[курсив мой, Е.Т.]

Господи, Ты самый справедливый из Судий,
Зачем же Ты судил, чтобы жизнь наша была так темна и убога,
Что самая легкая из всех наших дорог – к Тебе дорога?
Почему нет у нас ни цветов, ни вина, ни хлеба
И над нами торчит как черная крышка небо?
А Бог отвечает: хмельнее вина, жарче огня, скрытней земли,
глубже воды,

Утешнее сна, слаще чем все земные плоды
Подарена вам любовь,
Теплая и соленая как кровь.

Анна Радлова. Пг., 13 марта 1920 г.

- 28 О гоголевской традиции у Ремизова есть замечания в статье М. Безродного, ‘Гепезис лейтмотивов у А.М. Ремизова’. *Сборник тру-*

дов СНО филологического факультета Тартуского гос. ун-та. Тарту 1977, 108.

29 З. Миц, ‘О некоторых “неомифологических” текстах...’, 113.

30 А. Данилевский, ‘Функция автобиографизма...’, 149-150.

31 Библия, Откровение, гл. 14, ст. 6, 7, 9, 10, 15.

32 Там же, гл. 14, ст. 18.

33 “О разрушении комического под влиянием сочувственного” см. в работе А. Бергсона, *Собрание сочинений*, т. 5. Санкт-Петербург 1914, 98 (цитируется по книге *Смех в Древней Руси*, 56).

34 Библия, Откровение, гл. 21, ст. 24, 27; гл. 22, ст. 11-15.

35 Там же, гл. 13, ст. 5.

36 Об этом можно судить и по финалу КС, где герой падает в уготованную ему “бездну”.